
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ПОРЕФОРМЕННОЙ СКАЗКИ

В устно-поэтическом творчестве крестьянских масс первых десятилетий после реформы можно заметить лишь незначительные сдвиги, лишь немногие и притом слабо выраженные черты нового, порожденные развитием капитализма.

«Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало»¹. Экономическое положение крестьян после 1861 г. с каждым годом становилось все тяжелее. Разоренные крестьяне бросали родные места, уходили в поисках заработка в город. «Сами крестьяне в высшей степени метко и рельефно характеризуют этот процесс термином: «раскрестьянивание»². Процесс этот не мог не сказаться на психологии и мирозерцании крестьянства, разрывающего с патриархальным укладом жизни, вырванного из привычных рамок старого быта, обманутого в своих надеждах на свободу. Однако власть традиций, стародедовских представлений отчетливо дает себя знать в крестьянской жизни и быту пореформенных лет. В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отмечает силу традиций старины, которые тяготеют над крестьянством, и то, что «преобразующее действие капитализма... проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью»³. Отсюда и сила традиций в сознании крестьянства.

Черты нового отразились в различных жанрах устного поэтического творчества с разной силой. Наиболее яркое выражение они нашли в тех жанрах, для которых большое значение имеет импровизация, например в причетах. Достаточно вспомнить знаменитый «Плач о старосте» Ирины Федосовой⁴. Менее отчетливо черты новой, капитализирующейся деревни сказались в традиционной лирической песне, былине и сказке. Однако и эти жанры, несмотря на относительную стабильность их текстов, обнаруживают в записях 1861—1895 гг. новые черты, порожденные пореформенной действительностью.

Мы располагаем достаточно большим материалом, чтобы судить о процессах, происходивших во второй половине XIX в. в русской крестьянской сказке: несколько сот текстов, в значительной части собранных и записанных внимательными наблюдателями народной жизни. Таковы сборники русских сказок И. А. Худякова, Е. А. Чудинского, А. А. Эрленвейна, Д. Н. Садовникова, записи А. А. Шахматова, П. С. Ефименко, М. А. Колосова, П. Семенова и других, а также отдельные публикации в Трудах статистических комитетов, в Губернских ведомостях и других периоди-

---

¹ В. И. Ленин, Пятидесятилетие падения крепостного права, Соч., т. 17, стр. 65.

² В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 141.

³ Там же.

⁴ См. К. В. Чистов, Ирина Федосова — как выразитель мировоззрения крестьянства пореформенного периода, Сб. «Народно-поэтическое творчество», М., 1953.

ческих изданиях. Аналогичные материалы дают белорусские и украинские сборники И. Рудченко, Е. Р. Романова, В. Н. Добровольского и П. В. Шейна. Эти многочисленные публикации разнообразны и разнокачественны.

Среди них мы видим разнотипные издания — от популярного «Альбома русских народных сказок и былин» до сугубо академического «Этнографического сборника» В. Н. Добровольского, от «Народных русских сказок в изложении Н. Полевого» или стихотворных обработок народных сказок Всеволода Крестовского до точных записей М. А. Колосова, преследующих прежде всего лингвистические цели. Различны и общественно-политические, литературные и научные позиции собирателей и издателей этих материалов, что не могло не отразиться на составе и качестве опубликованного в пореформенные годы фольклорного материала. Тут и собиратели, близкие к революционным демократам и разделяющие взгляды последних на фольклор (И. А. Худяков, П. С. Ефименко, Д. Н. Садовников), и толстовствующий учитель А. А. Эрленвейн, и явно реакционно настроенные Н. Полевой и П. Н. Петров, и дилетанты-любители народной поэзии С. Я. Дерунов и Ф. Белкин, и, наконец, представители «академической науки», как, например, М. А. Колосов, отмечающий, что «при отсутствии всяких общих интересов его беседы с крестьянами не могли быть продолжительны»⁵. Однако при всем разнообразии публикаций, при всем различии исходных позиций собирателей и издателей пореформенного народно-поэтического творчества, мы видим в них в той или иной форме осознание общественно-политической и эстетической значимости публикуемого сказочного материала. Об этом, независимо от исходных позиций, в один голос говорят все исследователи и литераторы, обращавшиеся в эти годы к собиранию, публикации и изучению народной сказки. Даже П. Бессонов, выступивший уже тогда в роли могильщика сказки, не мог не отметить успеха, который выпал на долю публикаций сказок. Правда, он подчеркивает, что издание сказок имеет «успех, вероятно, предсмертный»⁶.

После выхода в свет сборника А. Н. Афанасьева, после ряда рецензий на этот сборник, в частности, после известной рецензии П. А. Добролюбова, было немислимо отношение к народной сказке только как к занимательному чтению — «средству от бессонницы». Даже составитель популярного «Альбома русских народных сказок и былин», посвященного императрице Марии Александровне, П. Н. Петров в предисловии к своей книге пишет: «Издавать в наше время памятники народного творчества — задача совсем другая, чем понимали ее в старину и еще так недавно»⁷. Большинство издателей подчеркивает значение народной сказки для изучения жизни и психологии народа, таким образом прямо и непосредственно продолжая в изучении сказки линию, намеченную Добролюбовым. Так, например, Е. А. Чудинский в предисловии к своему сборнику «Русские народные сказки, прибаутки и побасенки» писал: «Народная жизнь наша мало-по-малу начинает заявлять себя, обнаруживаться. Все мы в настоящее время живо понимаем интерес ее и потому-то с таким усердием хлопочем об изучении ее во всевозможных видах»⁸. В. Н. Добровольский, приступая к изданию своего «Смоленского этнографического сборника», ставил себе цель, чтобы его труд

⁵ М. А. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского языка, Сборник Отделения русского языка и словесности, т. XVII, 1877, стр. 5.

⁶ П. А. Бессонов, По поводу «Приглашения к участию в издании памятников народного русского творчества», «День», 1862, № 43, стр. 3.

⁷ П. Н. Петров, Альбом русских народных сказок и былин, СПб., 1875. Предисловие.

⁸ Е. А. Чудинский, Русские народные сказки, прибаутки и побасенки, М., 1864.

«с внутренней стороны был отображением народного мирозерцания»⁹. И. И. Рудченко в предисловии к «Народным южно-русским сказкам» говорит о сказках как о «драгоценных памятниках народного творчества — источниках для изучения народной жизни»¹⁰. А. А. Эрленвейн указывает, что без изучения памятников народного творчества «немыслимо знание своего народа, его верований, нравов, обычаев, идеалов, симпатий»¹¹. П. А. Иванецкий рассматривает свои этнографические исследования как «попытку очертить быт и нравы народа»¹².

Однако, несмотря на все эти декларации о необходимости изучения сказки как материала для познания психологии народа, его взглядов и настроений, практически собиратели пореформенной сказки зафиксировали лишь очень немногие наблюдения над жизнью русской сказки, над той «внешней» и «внутренней» обстановкой, в которой она бытует. В нашем распоряжении лишь общие замечания, касающиеся умирания сказки или мимоходом отмечающие происходящие в ней изменения, — замечания, не подкрепленные конкретными фактами, не дающие ясного представления о жизни сказки, о ее роли в быту пореформенного крестьянства.

Собиратели отмечают изменившееся отношение народа к традиционной, очевидно, фантастической сказке. Отмечая бедность народной поэзии в промысловых районах, М. А. Колосов объясняет это «характером народной жизни». По его мнению, «в среде такого населения (подавляемого при том настолько влиянию городов, что во многих селах не отличить по внешности крестьянина от горожанина-мещанина) не может долго и в чистоте храниться завещанный отцами поэтический материал»¹³. Об исчезновении сказок, обусловленном «обновлением жизни русского народа после реформы 1861 г.», говорил и С. В. Максимов. Он указывает на то, что «Указ 19 февраля разогнал барскую дворяню и в том числе добротных сказочников, мамушек-нянек, воспитывавших от двух до трех поколений и убаюкивавших детей дворянского сословия обязательно русскими старинными сказками»¹⁴. В. Н. Перетц в статье «Деревня Будагоща и ее предания» пишет о том, что «кое-где уже с недоверием начинают относиться к таким рассказам. Старые люди, слыша высказываемые сомнения и расспросы о причинах этих чудес, повторяют одну общую фразу: «встарину люди простые были, проще нас, оттого и видели всякие чудеса, а теперь пошел хитрый народ, до всего сам достичь хочет»¹⁵.

Эти заявления собирателей должны рассматриваться не как свидетельства умирания народного творчества, и в частности сказки, а как показатель тех изменений, которые произошли в устном творчестве в связи с изменениями в жизни народа, показатель появления новых черт в народной сказке, порожденных новыми явлениями действительности. Интересно в этой связи замечание С. В. Максимова: «...с исчезновением помещицкой дворяни, — писал он в 1897 г., — несомненно, в скором времени исчезнет из памяти тот отдел сказок, который был порожден именно крепостной неволей»¹⁶. Так как Максимов говорит о неминувшем исчезновении антикрепостнических сказок в недалеком будущем, его слова являют-

⁹ В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, вып. 1, СПб., 1891, стр. IV.

¹⁰ И. И. Рудченко, Народные южно-русские сказки, Киев, 1869, вып. 1, стр. XI.

¹¹ А. А. Эрленвейн, Народные сказки, собранные сельскими учителями, изд. 2-е, М., 1882, стр. 3.

¹² П. А. Иванецкий, Материалы по этнографии Вологодской губернии, «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 69, Труды этнографического отдела, т. XI, вып. 2, СПб., 1890, стр. 2.

¹³ М. А. Колосов, Указ. соч., стр. 40.

¹⁴ С. В. Максимов, Заметки по поводу издания народных сказок, «Живая старина», 1897, вып. 1, стр. 48.

¹⁵ В. Н. Перетц, Деревня Будагоща и ее предания, «Живая старина», 1894, вып. 1, стр. 2—18.

¹⁶ С. В. Максимов, Указ. соч., стр. 49.

ся доказательством еще широкой распространенности таких сказок в пореформенную эпоху. Не менее распространены были, очевидно, и антиклерикальные сказки: недаром, как известно, И. Г. Прыжов накануне ареста уничтожил большое их собрание.

Свидетельства эти очень важны, так как имеющиеся в нашем распоряжении публикации дают далеко не полное представление о составе народного сказочного репертуара в пореформенный период: на составе сборников отразились общественные позиции, интересы и вкусы собирателей, а также характер тех задач, которые они перед собой ставили. Во многом состав сборников определялся и цензурными условиями. Недаром один из самых прогрессивных собирателей этих лет, И. А. Худяков, в предисловии к своему сборнику «Великорусские сказки» писал: «...к сожалению, должны заметить, что некоторые обстоятельства не позволяют нам печатать многие интересные сказки из нашего собрания»¹⁷.

Таким образом, мы имеем возможность лишь приближенно судить о составе пореформенного сказочного репертуара: в публикациях сказочных текстов, записанных в исследуемый период, 50% всего материала составляют волшебные, 30% — бытовые, 8% — авантюрно-новеллистические, 7% — сказки о животных и 5% — легендарные сказки. Наиболее распространенными сюжетами, представленными в наибольшем количестве вариантов, являются волшебные сказки о трех царствах, о победителе змея, о чудесном бегстве, о Кашее бессмертном и бытовые сказки о хозяине и работнике, о ловком воре, о глупом барине. Ряд сказочных сюжетов появляется в эти годы в публикации впервые и не представлен ни в сборнике А. Н. Афанасьева, ни в более ранних публикациях. По подсчетам, не претендующим на абсолютную точность, это 8 сюжетов сказок о животных, 18 сюжетов волшебных сказок, 24 новеллистических и 45 бытовых сюжетов. Конечно, эти цифры не дают основания делать вывод о том, что эти сюжеты и в репертуаре крестьянства появились только в пореформенные годы. Однако рост количества главным образом бытовых сказок не случаен и характеризует как поворот народной сказки к бытовым вопросам, так и рост интереса к бытовой и новеллистической сказке со стороны собирателей сказки и исследователей народной жизни.

Количество записанных в пореформенное время сказок, многочисленные записи сказок, сделанные в более позднее время, и детальные наблюдения над жизнью сказки, произведенные в начале XX в., дают все основания полагать, что в 1861—1895 гг. сказка повсеместно имела широкое распространение и жила творческой жизнью. Подсчеты, сделанные на основании опубликованного материала, показывают, что в эти годы преобладающими в сказочном репертуаре являлись еще волшебные сказки, но что последние, с одной стороны, уже начинали уступать место бытовым сюжетам, а с другой — активно впитывали в себя бытовые эпизоды и детали.

Мы почти не имеем сведений о сказочниках этих лет. Лишь историк М. И. Семевский сохранил для нас портрет сказочника пореформенного периода в очерке «Сказочник Ерофей»¹⁸. «Много помещиков владело его крепостной душой,— пишет об этом сказочнике, сказки которого отличаются явно антикрепостническими тенденциями, М. И. Семевский,— еще больше управляющих да старост гоняли его на работы да кормили колотушками». Остальные собиратели, как правило, указывают лишь, когда и где записана та или другая сказка, или дают о сказочниках, как, например, Н. Полевой или Н. Иваницкий, чрезвычайно общие сведения. Кое-какие интересные наблюдения над сказочниками сообщает заведующий Слепцовским двухклассным училищем П. Семенов, в записях которого представлен ряд сказок, записанных несомненно от крупного мастера. Семенов говорит о сложности собирания сказок,

¹⁷ И. А. Худяков, Великорусские сказки, М., 1860, вып. 1, Предисловие.

¹⁸ «Отечественные записки», 1864, № 2, стр. 485—498.

дает общий портрет мастера-сказочника, останавливается на обстановке, в которой бытует сказка, и на отношении к сказочнику его аудитории — «особенно молодежи — больших любителей послушать знатока любопытных сказок и мастера рассказывать их складно»¹⁹.

Отсутствие подробных сведений о сказочниках-мастерах, невозможность составить точное представление о составе их индивидуального репертуара, об их роли в коллективе, об их работе над традиционными текстами, — все это лишает нас возможности путем анализа индивидуально-творчества нескольких мастеров установить процессы, типичные для всего коллективного сказочного творчества пореформенного периода. Мы принуждены ограничиться поэтому подробным анализом репертуара и стиля главным образом одного выдающегося сказочника этого периода — Абрама Новопольцева, от которого в 1870-х годах Д. Н. Садовниковым было записано 72 сказки²⁰.

Абрам Новопольцев был человеком своего времени, безземельным крестьянином, испытавшим на себе всю тяжесть классового расслоения пореформенной деревни; отсюда созвучность его сказок эпохе, отсюда социальная острота многих из них. Знаменитый сказочник, выдающийся мастер слова, творчество которого впоследствии изучали русские и зарубежные ученые, топил в вине свое горе и, очевидно, находил единственное утешение в сказках, в которых бедный мужик торжествовал над своими угнетателями, всеми презираемый дурак оказывался умнее и удачливее своих «умных» братьев, Ивашка-Белая Рубашка, горький пьяница, совершал богатырские подвиги, оставляя далеко позади себя признанных богатырей.

Абрам Новопольцев — типичная фигура капитализирующейся деревни 70-х годов; отсюда основная направленность его сказок, в которых мы находим черты социального протеста и вместе с тем характерной для этого периода ограниченности классового самосознания патриархального крестьянства.

Анализ состава репертуара Новопольцева подтверждает высказанные выше соображения о характере пореформенного сказочного репертуара. Репертуар Новопольцева по составу своему аналогичен сказочному репертуару конца XIX в., установленному нами путем анализа и статистического подсчета опубликованного материала: он рассказывает и монументальные волшебные сказки, и остроумные бытовые новеллы, и детские сказки о животных, и исторические предания, и назидательные религиозные легенды, и веселые смешные анекдоты. Преобладающими, как и во всем репертуаре этих лет, являются волшебные сказки. Именно эти сказки относятся к лучшим текстам Новопольцева, они особенно тщательно и любовно отделаны им и детально разработаны. Именно в этих сказках особенно ярко проявляется «новопольцевская манера» рассказа, трактовки традиционного текста. Самостоятельную группу в репертуаре сказочника составляют очень острые бытовые сказки, близкие к анекдоту, в которых Новопольцев проявляет себя как сатирик, умеющий остроумно высмеять своих классовых врагов, а также общечеловеческие пороки и недостатки.

В творчестве Новопольцева, этого талантливого сказочника пореформенного периода, выразительно сказались особенности, общие сказке этих лет.

В памяти крестьян еще были живы и ярки воспоминания о крепостном праве. Отсюда устные рассказы — воспоминания о крепостной неволе, упоминания о крепостных отношениях. В замечательном рассказе Матрешки Антоненковой о своей жизни, опубликованном В. Н. Добровольским, рассказчица вспоминает: «Была крипастная права, што гаспада хатели то

¹⁹ П. Семенов, Сказки, записанные в станице Слепцовской, «Материалы по описанию местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1893, вып. XV, отд. 2, стр. 2.

²⁰ Д. Н. Садовников, Сказки и предания Самарского края, СПб., 1884.

и делали»²¹. Яркий портрет рассказчика о крепостном прошлом дает Добровольский в образе Лукьяна Андреева, которого молодежь просит рассказать, «как вас паролы»²².

В сказках записи пореформенных лет нередко упоминается недавняя еще крепостная зависимость. Воспоминания о крепостном праве еще живы в семидесятых годах в памяти Абрама Новопольцева, которому к моменту крестьянской реформы было около сорока лет. Поэтому в сказке «Подменная невеста» симпатии сказочника явно на стороне крестьянской девушки, торжествующей победу над дочкой барина. Ее согласие поменять собой невесту сказочник объясняет страхом перед господами, грозившими в случае неповиновения продать девушку «в иную сторону». Объяснение это сказочник подкрепляет репликой: «В то время господа были вольны»²³. Помещик в результате реформы остался для крестьянина тем же врагом и эксплуататором — отсюда актуальность и живучесть антикрепостнических по своему происхождению сказок, как сказка о барине, который хотел узнать нужду; о глупой барыне, которая отпускает свинью на свадьбу; о мужике, который заставляет барина караулить шляпу, под которой будто бы сидит сокол, а сам уезжает на его лошади, и т. п. Имелись еще в быту и общественном укладе того времени предпосылки, способствовавшие сохранению и творческому бытованию антикрепостнических сказок.

Значительное место занимают сатирические сказки, направленные против бар и духовенства (неизменно кончающиеся победой мужика над его угнетателями) и в репертуаре Новопольцева. Таковы сказки «Шурьпа», «Поп и дьякон», «Мужик и поп», «Барин и мужик», «Про нужду» и другие. Наличие в репертуаре Новопольцева сказок, в которых особенно ярко звучат мотивы протеста крестьянства, его чаяния и ожидания, само по себе уже говорит об общественном лице сказочника, его классовых симпатиях. Сатирические сказки подаются Новопольцевым, как и другими современными ему сказочниками, главным образом в юмористическом плане, рассказываются в шутовском, мягком тоне. Он не поднимается до открытого протеста, до гневного обличения — издевочкой и смехом он расправляется со своими врагами, развенчивает современную ему действительность. В его сатирических сказках проявляются черты мировоззрения пореформенного крестьянства, которые характеризовал В. И. Ленин: «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости»²⁴. Отсюда стремление Новопольцева преподнести сатирические сюжеты и образы в комическом плане, подчинить всю сказку именно этой творческой задаче.

Характерной чертой пореформенного периода является крайнее оскудение крестьянских хозяйств, разорение и обнищание массы крестьянства. Черта эта ярко отразилась в сказочных текстах, записанных в пореформенные годы. Сказочники настойчиво говорят о крайней и безвыходной бедности героя, который «не знает, чем своя голова кормить»²⁵. Нередко сказочники указывают на то, что трудолюбие крестьянина не в силах победить нищету: «Жил один очень бедный мужик, как он ни трудится, как ни работает целые дни, не может разбогатеть»²⁶. В другой сказке рассказывается о том, как солдат, получив имение барина, едет туда и встречает безотрадную картину полного разорения: «Там встретили его крестьяне такие оборванные, как цыганы, а домишки чуть-чуть

²¹ В. Н. Добровольский, Указ. соч., стр. 65.

²² Там же, стр. 69.

²³ Д. Н. Садовников, Указ. соч., стр. 222.

²⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 185.

²⁵ М. А. Колосов, Указ. соч., стр. 203.

²⁶ Н. А. Иванецкий, Указ. соч., сказка № 50.

держатся»²⁷, или: «В одно время жил мужик бедна. Была у яго пара детей, яму прожить нечем»²⁸. Традиционным началом в сказках становится «Жили-были старик со старухой бедные-пребедные»²⁹. Порой это традиционное начало сдобрено горькой иронией, подчеркнуто невеселой шуткой. «Жили себе старик со старухой ни бедно, ни богато, в завтрак хлебали уху, в обед жевали вареную требуху, а ужин им был не нужен»³⁰. Или: «Жил молодец на свете, парень ухо был, а не имел ни кола, ни двора, ни мила живота, хлеба было что в брюхе, а платья, что на себе»³¹. Так же иронически описывается бедственное положение крестьянина в сказке, записанной Худяковым: «Жил был Степан богатый, не имел ни двора, ни кола, ни куриного пера»³². Настойчиво звучит в сказках, так же как и в устных рассказах, записанных в пореформенные годы³³, мотив голода: «Жили они очень бедно, подчас и есть было нечего»³⁴. С голоду умирает мать героя в сказке «Мать-старушка — сын Лаврушка»³⁵. В сказке «Мизинчик»: «Жил был мужик семейный да бедный. Деток много, а кормить нечем»³⁶. В сказке, записанной А. А. Шахматовым: «Вот жыу старик да старуха, а у них не было хлеба куска поись»³⁷. Безземельный крестьянин Новопольцев не жалеет красок на то, чтобы изобразить крайнюю нужду своих героев. «Шурья-ти ти пасут стадо, а тещь с тещей ходят с сумочками». На приглашение ехать на свадьбу отец героини в сказке «Подмененная невеста» отвечает: «Мне не в чем, я совсем раздет», и мать говорит: «Я боса». В сказке «Елвы шишки» сказочник сочувственно рассказывает о бедном брате, который «поехал совсем раздевши». Тем, что сказочник тут же проводит параллель между своим героем и собой («что я же»), он солидаризируется с бедняком — положительным героем сказки. Голод толкает на нищенство³⁸, на самоубийство, заставляет бросать деревню, уходить на чужую сторону, на заработки. «Мужичку стало худо жить, дети с голоду помирают: Пойду, говорит, утоплюсь»³⁹. Или: «Досюль жыу молодець в бедности и пошоу место искать»⁴⁰.

В. И. Ленин пишет: «... около пятой доли крестьян перешло уже в то положение, что их «главнейшее занятие» — наемная работа у зажиточных крестьян и помещиков»⁴¹.

Основным героем сказки пореформенного периода становится батрак, которого бедность заставила идти в люди, или ремесленник, которого нищета толкнула пойти на отхожие промыслы. «Когда все, что было в хозяйстве, было прожито и стало больше жить нечем, кузнец приказывает своим сыновьям итти в люди»⁴². Или: «Жила себе старуха вдова с сыном; жили они в большой бедности. Сын жил в работниках». Сказка даже указывает заработок батрака — получал он пять рублей в год⁴³. Мачеха прогоняет падчерицу: «Ступай, нанимайся в работницы»⁴⁴. Сын про-

²⁷ Гр. Горбунов, Загадки и сказки, записанные в селе Казбулаки Ставропольской губернии, «Материалы по описанию местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1884, вып. VI, стр. 601.

²⁸ В. Н. Добровольский, Указ. соч., стр. 601.

²⁹ П. Семенов, Указ. соч., стр. 132.

³⁰ Там же, стр. 70.

³¹ Н. Е. Ончуков, Северные сказки, СПб., 1908, стр. 390.

³² И. А. Худяков, Указ. соч., вып. 3, № 98.

³³ См. рассказ Матрешки Антоненковой в сборнике В. Н. Добровольского (Указ соч., т. 1).

³⁴ В. Н. Добровольский, Указ. соч., стр. 677.

³⁵ А. А. Эрленвейн, Указ. соч., стр. 98.

³⁶ Е. А. Чудинский, Указ. соч., сказка № 1.

³⁷ Н. Е. Ончуков, Указ. соч., стр. 249.

³⁸ Там же, стр. 276.

³⁹ В. Н. Добровольский, Указ. соч., стр. 601.

⁴⁰ Н. Е. Ончуков, Указ. соч., стр. 294.

⁴¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 204.

⁴² П. Семенов, Указ. соч., стр. 193.

⁴³ Там же, стр. 179.

⁴⁴ А. А. Эрленвейн, Указ. соч., стр. 43.

сит отца отпустить его: «Где-нибудь наймусь, буду жить»⁴⁵. В пересказе былинного сюжета «Садко», записанном Шахматовым и опубликованном в сборнике Н. Е. Ончукова, герой заявляет: «Батюшко, пойду я в Москву в каменщики»⁴⁶. Сказка подчеркивает вынужденность разрыва с сельским хозяйством, родной деревней, семьей: «Жил мужик с женой, были люди бедные, погорелые, и нечем им кормиться. Детей у них не было. Муж жене и говорит раз: «Ну, хозяйка, оставайся, а я пойду в работники»⁴⁷. Героиня сказки «Про купцову жену» рада пойти в люди, чтоб избыть бедность, но и это трудно: «Ты бы в прачки нанялась». «Я бы душой рада куда-нибудь наняться, да дело бедное — никто не нанимает»⁴⁸.

Многочисленные сказки о батраке подчеркивают тяжесть подневольной жизни в работниках. Сын жалуется матери: «Матушка моя, кормилица, жил я один год еще ничего, другой — так себе, а третий уже не дай бог». Неслучайно в сказках о работнике и попе, о барине и работнике столь устойчив мотив условий найма, направленных на то, чтобы задаром эксплуатировать рабочую силу. Именно тяжесть и бесперспективность положения батрака в действительности являлись основой для создания сказок о том, как работник, оставив в дураках своего хозяина, торжествует над ним победу.

Лишь изредка в сказках пореформенного периода мелькает образ крестьянина, удачливо поправившего свои дела на заработках, причем факт этот преподносится сказочником как удивительное исключение из общего правила: «Как жиу я бедно и пошел у Питер у заработки. Зажилу капиталу порядочного, наведу калоши хорошие». Возвращаясь в родную деревню, крестьянин, чтобы узнать истинное отношение к себе своих родных, скрывает свое богатство и приходит оборванным. Этим он вызывает не удивление и, конечно, не сожаление, а лишь гнев отца и жены: «Курица узлятит на стол и тую маим имянем бранять: «Кыш, арвань питябургская»⁴⁹. Последний реалистический штрих несомненно является результатом печальных наблюдений над фактическим разорением и распадом крестьянской семьи.

Город тянет к себе сельского бедняка как место якобы легкой работы, легкого заработка: «Крестьянская работа показалась ему тяжелой, и задумал он пойти на легкие хлеба»⁵⁰. Легкая городская жизнь постоянно противопоставляется тяжелой деревенской. «В городе не пашут, да колачики едят, а в деревне то орут, да все мякинушку жорут»⁵¹. Однако наряду с этим в сказках пореформенного периода мы находим и реалистическое изображение города, причем именно с позиций бедного пришельца: «Город стоит, где сам царь живет, там где ни ступишь — деньги давай»⁵².

Сказки пореформенного периода не только настойчиво говорят о бедности и разорении деревни, но и ярко рисуют расслоение крестьянства. Мы видим в них постоянное противопоставление бедного героя богатому, и то, что часто они братья, придает еще большую остроту конфликту. Сказки о богатом и бедном братьях, о доле, о горе, о правде и кривде, о Шемякином суде издавна живут в репертуаре русских сказочников.

Классические варианты этих сказок представлены, как известно, в сборнике А. Н. Афанасьева. Однако, судя по сборникам 1861—1895 гг., в пореформенный период эти сказки получают особенно широкое распространение, причем в вариантах, записанных в эти годы, наиболее под-

⁴⁵ А. А. Эрленвейн, Указ. соч., стр. 36.

⁴⁶ Н. Е. Ончуков, Указ. соч., стр. 241.

⁴⁷ Д. И. Садовников, Указ. соч., стр. 262.

⁴⁸ А. А. Эрленвейн, Указ. соч., стр. 73.

⁴⁹ В. Н. Добровольский, Указ. соч., стр. 713.

⁵⁰ Гр. Горбунов, Указ. соч., стр. 213.

⁵¹ Н. А. Иванецкий, Указ. соч., стр. 220.

⁵² А. А. Эрленвейн, Указ. соч., стр. 23.

робно, с рядом реалистических подробностей, с сугубым интересом и знанием дела рисуется разлад между братьями, жадность и бессердечие богатого брата, бедность и забитость задавленного нуждой бедняка. Сказочники подчеркивают разницу в отношении односельчан к бедному и богатому мужику. Два брата разделились. Один разбогател в городе. Они рубят лес на общей лесной доле: «К богатому все идут на помощь, к бедному не идут»⁵³.

Пореформенная сказка метко подмечает две стороны одного и того же процесса: с одной стороны, разорение и пролетаризация сельского бедняка, с другой, — обогащение и переход «в купцы» сельского богатея. Один из представителей сельской буржуазии, трактирщик, часто фигурирует в пореформенной сказке: «Жил в одном городе богатый трактирщик, у которого было много служащих или, как их зовут, половых»⁵⁴. Показательно, что даже «нечистый» появляется в образе завсегдатая трактира или сельской лавки, он заходит в лавчонку, пьет водку, закусьивает селедкой и связкой кренделей, платит деньги. А домовый в одной из сказок принимает образ проезжего торгаша. Образ ловкого предпринимателя «из мужиков» сатирически рисуется в сказке «Шерстобит», записанной В. Н. Добровольским и интересной точным хронологическим приурочением, которое в ней дается: «Ета було 1879 году». Ловкий мошенник одурачивает мужиков, поверивших его намерению «открыть красильню» и валять в деревне валенки, перебивать шерсть. Богатый мироед, односельчанин-ростовщик — самый опасный классовый враг, поэтому в сказке работник, «выйдя в люди», первым делом спешит заплатить долг богатым мужикам⁵⁵.

Естественно, что проблема денег, капитала, возможностей и путей обогащения волновала представителей как сельской буржуазии, так и сельского пролетариата. Все это не могло не занимать пореформенного сказочника и его крестьянскую аудиторию. Мы видели, что образ богатого мужика — представителя сельской буржуазии, как правило, рисуется в сказке в отрицательных тонах.

Сатира сказки направлена и против представителей духовенства — в глазах крестьянина тех же кулаков и эксплуататоров, однако наделенных большей властью и большими возможностями обогащения за счет сельской бедноты. В сказках пореформенного периода подчеркивается единство интересов помещиков и духовенства. Так, в остроумной сказке «Глупая деревня» (на известный сюжет «Поп Пахом») барин наблюдает «ляганье» в церкви. «И так понравился священник барину, что сказал: отроду не видывал этаких попов: в какое чувство приводит народ»⁵⁶.

Иное отношение в сказке к купцу. Купец отнюдь не новая фигура в сказке. Его хорошо знала и сказка феодальной эпохи. Предприимчивые смелые мореплаватели, выдавшие виды торговые гости, побывавшие в чужих дальних странах путешественники хорошо знакомы и древней русской литературе, и русской былинке, и русской сказке. Образ богатого купца в пореформенной сказке, как и ранее, дается вне его классовой характеристики, вне осознания эксплуататорской сущности купца. Купец во многих пореформенных сказках продолжает выступать как положительный герой и наделен всеми его традиционными качествами. Ограниченность, противоречивость крестьянского самосознания этого периода приводят к тому, что богатая купеческая жизнь рисуется как идиллия, как некий недосыгаемый идеал, порожденный фантазией голодного крестьянина, гибнущего под натиском капитала, крестьянина, брошенного капиталистом на рынки труда, бедняка, хватающегося за малейшую возможность

⁵³ Н. А. Иванецкий, Указ. соч., стр. 55.

⁵⁴ Там же, стр. 190.

⁵⁵ Там же, стр. 193.

⁵⁶ Там же.

подработать в городе, на торговых пристанях, в торговых домах, на фабриках и заводах.

Основная масса пореформенного крестьянства — это среднее крестьянство. «По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливых, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции»⁵⁷. Герои пореформенной сказки нередко занимаются торговлей: «Они занимались торговлей. Ездили за товарами за море, хорошо торговали»⁵⁸. В сказке пореформенного периода в изображении купеческого быта и денежного богатства появляются конкретные черты, несомненно порожденные эпохой развития капитализма. Подчеркиваются широкие международные связи героя-купца: «Торговал купец в ином государстве». Указывается капитал купца: «Жил купец миллионщик». Подробно рисуется богатство купца; указывается количество его лавок и многоэтажных домов. Богатство героя — сказочное: «Жил богатый купец, у него денег было много, не то, что мерами мерил, а лопатой греб»⁵⁹. Вместе с тем оно описывается достаточно конкретно, нередко в цифрах. Указывается, что герой получил «значительной цены деньги»; залог при споре купцов составляет двадцать тысяч. Отдельные малозначительные детали купеческого быта становятся характерными традиционными чертами описания роскошной и богатой купеческой жизни: сказочники упоминают лавки, рестораны, чай-кофей, который пьют герои, театры, в которых они «гуляют». Быт купечества — идеал, к которому стремится разоряемый капитализмом сельский бедняк. Когда солдат в сказке стал владеть именем барина, нищие мужики «стали жить богато, как купцы, и одежду справили себе барскую, куцую такую»⁶⁰.

Даже традиционные чудесные предметы в волшебной сказке принимают «мещанский» характер, приобретают черты дешевого городского «шика»: когда разворачивают скатерть-самобранку, «только пробки в потолок шибают». В волшебную сказку, разрушая ее традиционный стиль, проникают аксесуары городского зажиточного быта: так, например, Марья-царевна надевает на себя часы: «Иван-царевич на Марью-царевну глядит, а Марья-царевна в часы». В сказке о золотаре и плотнике подчеркивается, что золотарь «в хорошем платье, при часах» встал на колени. Часто упоминаются в пореформенной волшебной сказке чуждые ее стилю афишки, штоф, полуштоф, гармоника, балконы. На чудесном дереве растут «билетики», которые оживают. Герои обращаются друг к другу: «Чего изволите?», «При каком деле находитесь?» Девушка, мечтающая выйти замуж за царя (в сюжете, близком к сказке о царе Салтане), говорит: «Я все бумаги бы писала».

Мечта о счастливой зажиточной жизни находит свое воплощение в изображении быта богатого купца, в изображении его богатства, сытой, привольной жизни. В этом отношении характерна концовка одной из таких сказок: «Дурак живет себе поживает, а если в чем порой у него недостаток случится, он сейчас к своему клубочку обратится: раскатает, размотает его, и все тогда у него с излишком бывает. Будь у нас в руках этот клубочек, мы выпили бы с вами винца мощный глоточек»⁶¹. Не менее показательна для пореформенной деревни и концовка другой волшебной сказки, выражающая мечту пожить как сказочные герои «да добра нажить, да нужду с горем сжить». Мечта о том, чтобы «нужду с горем сжить», — это мечта обездоленного крестьянина, которому не помогла ре-

⁵⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 148.

⁵⁸ М. А. Колосов, Указ. соч., сказка № 2.

⁵⁹ Н. А. Иванецкий, Указ. соч., стр. 184.

⁶⁰ А. А. Эрленвейн, Указ. соч., стр. 130.

⁶¹ П. Семенов, Указ. соч., стр. 45.

форма 1861 г. Носителем его идеалов в сказке является ловкий батрак, хитрый солдат, удачливый бедняк, оставляющий в дураках всех своих недругов и выбивающийся в люди.

Характерно для пореформенной сказки не только усиление интереса сказочников и их аудитории к бытовой сказке, но и явное вторжение в волшебные сказки бытовых деталей, поворот сказки от традиционной волшебной обрядности к действительности. Так, Новопольцев настолько насыщает бытовыми деталями волшебные сказки и даже легенды, что превращает их порой в бытовые рассказы. Это приближает его тексты к реальной действительности, делает их актуальными и созвучными той эпохе. Бытовыми, реалистически поданными деталями изобилуют такие волшебные сказки, как «Ивашка-Белая Рубашка», «Купецкий сын и царева дочка», «Про царских мастеров» и многие другие.

Контаминируя сказочные сюжеты, сказочники поражают слушателей размером своих сказок; они увлекают аудиторию описанием бесчисленных приключений героев, переводя их из одной сказки в другую. Склонность к сложной приключенческой фабуле определяется у сказочников пореформенной эпохи основным образом положительного героя — удачливого, деятельного бедняка, пробивающегося к власти, богатству, счастливой жизни.

Тем же стремлением приблизить сказки к действительности определяется и трактовка сказочниками пореформенного периода традиционных сказочных образов. Так, например, Новопольцев в подчеркнуто пародийном, сниженном плане дает привычных героических персонажей феодального эпоса: в сказке об Ивашке-Белой Рубашке не только основной герой рисуется как горький пьяница, но и Добрыня Никитич и Алеша Попович — «дурьей родни жеребеночек». Мало похож на мудрого царя Соломона сыплющий прибаутками и шутками, щедрый на смешные словечки герой сказки «Кузнец и царь». Рисуя внешность своих героев, Новопольцев охотно подчеркивает гротескные, безобразные черты. Прием шаржа, гротеска сказочник особенно щедро использует, создавая образ Ивана-дурака — одного из наиболее ярких персонажей его сказок. Строя в пародийном плане характеристику и портрет героя, Новопольцев достигает еще большей яркости в показе его конечного торжества над темными силами, над его врагами и недругами. Вместе с тем, так же как путем введения в сказку многочисленных бытовых подробностей, он приближает этих «чудесных» героев к действительности, к обычным людям, к самому себе — бедняку-пастуху, шутнику-рассказчику, сторожащему «бочки в трактире», каким он рисуется в воспоминаниях своих земляков. Благодаря этому в его сказках отчетливо звучит современность — пореформенная действительность, разрывающая с феодальным миром и становящаяся на новые пути капиталистического развития.

Виртуозно владея традиционным стилем, Новопольцев вместе с тем как бы переводит сказку в другой план, сознательно и последовательно снижая и разрушая ее эпический канон. Это сказывается и в использовании таких традиционных сказочных приемов, как присказка и концовка. С одной стороны, Новопольцев следует освященной веками традиции балагурной присказки или концовки, с другой, — мы и здесь видим иногда трудно уловимые нюансы, дающие новое интонационное звучание привычным сказочным формулам и приближающие их к современной Новопольцеву действительности. Так, например, прихотливые и остроумные концовки сказок Новопольцева, несомненно связанные со скоморошеской традицией, вместе с тем раскрывают образ безземельного бедняка, пастуха XIX в. — голи перекатной, который надеется сказкой заработать стакан водки.

Общие в этом отношении со сказками Новопольцева черты мы видим и в приводившихся выше сказках белозерского кузнеца Володина, записанных М. А. Колосовым, и в текстах, записанных П. Семеновым,

повидимому, от одного и того же талантливого сказочника, и в сказках многих других творцов сказок, тексты которых были нами рассмотрены выше.

Пореформенная эпоха — не только эпоха развития капитализма, но и эпоха нарастания революционного движения. Это также нашло свое выражение, хотя и слабое, в сказке пореформенного периода. Сплошь и рядом в сказке мелькают упоминания об остроге и тюрьме, о поселении, о ссылке, после которой герой «стал хиреть, хиреть и умер», о грозном становом. Очень показательно ироническое окончание сказки о «царе Соломе», записанной от крестьянина Архангельской губернии: «Вот ведь какой смелый был, где бы нашему мужику так самому Христу ответить, ни один бы не осмелился. Бывало случилось — на меня становой вспылит, так я так перепугался, что десять верст бегом бежал, в избу зашел, дома-то схватил шубу — и без ужина на печь, насили отогрелся, добрый час зубы стучали, а он прямо Христу вон как ответил. Смелость во многом помогает. Мне бы на его месте век привелось бы в аду пыхтеть! Да, хитрец изрядный был царь Солома, а все-таки, говорят, не святой, в святые-то не мог выхитрить»⁶². В этой необычной концовке, несомненно вызывавшей острую реакцию слушателей, мы видим политическое лицо сказочника, высмеивающего страх забитого мужика перед всемогущим становым, призыв к протесту, напоминовение о том, что «смелость во многом помогает».

В пореформенной сказке прозвучало и сознание непрочности царской власти, обреченности царя. В сказке «Мужик и царь», опубликованной в сборнике Е. А. Чудинского, царь вылечивает мужика от зависти к царской жизни. Он вешает над спящим мужиком нож: «Вот так-то и наша жизнь царская ежечасно на ниточке держится! И жить хорошо, да опаски много! Иди таперича с богом, говорит царь, и не зависть вперед на цареву жизнь, а наипаче соболезнай. С тех пор полно мужику в цари лезть, и калачом не заманишь больше его в эту должность»⁶³.

В сказке «Солдат и его жена царь-птица» герой, одержавший победу над своими врагами, никого не хочет «ни бить, ни губить». «А только,— говорит он,— возьмите царя и главного сенатора и раздвиньте на шесть цестей. Раздвинули. И на этой самой годьбе весь синод подписал: быть царем солдату-ефлейтору, а жене ево царицей»⁶⁴.

Портрет сказочника пореформенного периода, искусно связывающего волшебную сказку с действительностью и рисующего в своих присказках образ бедняка, дает чуткий наблюдатель и правдивый бытописатель народной жизни В. Г. Короленко в очерках «В пустынных местах»⁶⁵. Его сказочник, молодой мужик с верховьев Велуги, так начинает свою сказку: «Не в котором царстве, не в котором государстве, а именно, в котором мы живем.. ох-хо-о... и дожились грешные до того, что нет у нас ничего...» Эта присказка вызывает «раскаты здорового смеха» у аудитории сказочника — волжских бурлаков. В. Г. Короленко и дальше заставляет своего сказочника продолжать ту же линию увязывания сказки с современностью. «Значит... не в котором царстве,— подхватил опять сказочник,— жил был старик со старухой... Да и то же самое, как мы ветлугай дожились до того, что ни хлеба, ни водочки, ни табаку... Потому, видишь ты, старик был охотничек, а у охотников, дело известное, что у килевязов да у коновалов, иной раз и поись нечего». — «Верно и это...». — «Ну хорошо... говорит старику старуха. «Возьми, бат, ружьишко,— не устрелишь ли чего. Хлеба ни крохи, так хошь дичинкой полакомитьца...»

Короленко замечает, что сказочник «очевидно импровизирует и в готовые сказочные формы вливает собственное содержание», что сказочник

⁶² «Живая старина», 1895, № 2, сказка «Царь Солома», стр. 203.

⁶³ Е. А. Чудинский, Указ. соч., стр. 101.

⁶⁴ М. А. Колосов, Указ. соч., стр. 187.

⁶⁵ В. Г. Короленко, Полное собрание сочинений, т. V, СПб., 1914, стр. 230—232.

«всецело владеет вниманием слушателей и развертывает перед ними ряд сказочно-утешительных событий». Короленко не только точно передает реакцию аудитории на все перипетии сказки, но связывает судьбу сказочного героя — «удачливого вахлака Иванушки» с судьбой тех бурлаков, которые с жадным вниманием слушают волшебную сказку. «Сказка кончена, Иванушки падают опять на землю. Опять болят намозоленные руки, опять ноют намученные спины». Таким образом, Короленко восполняет пробел в изучении сказки пореформенного периода. Он не только абсолютно точно показывает действенность современной ему традиционной сказки и ее социальную направленность, но ее активную жизнь, ее восприятие аудиторией, ее роль в быту.

Абрам Новопольцев и другие сказочники, творчество которых представлено в сборниках пореформенного периода, так же как и сказочник в очерке Короленко, — мастера и виртуозы сказочной традиции. Вместе с тем они разрушают традиционные сказочные каноны и как бы разлагают истовую эпическую сказку. В этом — характерное знамение времени. Умирание феодального мира, изменение темпов жизни, быта, изменение мирозерцания крестьянина должно было привести к изменению эстетических норм, к умиранию патриархальной эпической традиции сказки.

В. И. Ленин говорил о тяготении традиций старины, традиций патриархального быта над крестьянством, о необычайной медленности и постепенности, с какой в деревне проявляется преобразующее действие капитализма.

Еще сильнее, еще дольше эти традиции, естественно, сказывались в крестьянском искусстве: вышивке, ткачестве, резьбе, искусстве слова.

По-разному развиваются в пореформенную эпоху отдельные фольклорные жанры, по-разному живет традиция в обрядовой песне, в былине, в сказке. В то время как бытовая, в частности антикрепостническая и антиклерикальная, сказка еще в полной мере сохраняет в этот период все свои жанровые особенности, волшебная сказка, явно порывая с этическими и эстетическими нормами, выработанными в эпоху феодализма, как бы переводится в другой план, сближается с бытовой, уходит от «высокого стиля», все ближе и ближе подходит к новой действительности, выдвинувшей перед ней новые задачи, продолжает жить не только в пореформенную эпоху, но и позже; однако первые признаки разложения эпической сказочной традиции сказываются именно в этот период.
